

Оглавление

Глава первая

Тайные похороны и отречение от веры отцов. — Удачное утро герра Шмитке. — Незваные гости в табачной лавке. 5

Глава вторая

Дядюшка на водах. — Новое полезное знакомство. — Отравленное детство 28

Глава третья

Надежды и сомнения торговки табаком. — Несколько встреч в пути. — Раскольник в императорском парке 51

Глава четвертая

Один весьма неудачный обед 74

Глава пятая

Торговка табаком теряет брата и находит новую служанку. — Всегда ли посуда бьется к счастью? — Савельев встречает человека, готового на все... 101

Глава шестая

Старые тайны и новые огорчения 128

Глава седьмая

Новые клиенты прекрасной табачницы. — Какие существа водятся на самом дне общества 160

АВАНТЮРИСТКА. ПОТЕРЯВШАЯ СЕРДЦЕ

Глава восьмая

*Молодой разбойник на пороге смерти. — Покаяние. —
Чем не стоит клясться мужчине, когда он влюблен* 185

Глава девятая

*Призраки и маски Павловского парка. — Как нарядиться
на праздник, на который тебя не звали* 204

Глава десятая

*Иногда старые друзья и близкие родственники бывают
совсем не рады друг другу* 233

Глава одиннадцатая

Гусар и разбойник на государственной службе 264

Глава двенадцатая

*Каких друзей можно найти, сидя в тюрьме, а каких —
потерять. — Испорченная шахматная партия и крайне
неудачное свидание* 288

Глава тринадцатая

*Как маленький человек может оказать большую помощь. —
Болтливый призрак. — Пора прозрения* 310

Глава четырнадцатая

Драка, дуэль и шахматная партия 332

Глава пятнадцатая

*Роженница находит приют, лавочница — заработок,
князь — любовницу, а доктор — отставку* 356

Глава шестнадцатая,

в которой принимаются очень важные решения 379

ЭПИЛОГ 407

Глава первая

*Тайные похороны и отречение от веры отцов. —
Удачное утро герра Шмитке. — Незваные гости
в табачной лавке*

Скобяную лавку Евсевия Толмачева на Седьмой линии знали все островитяне, да и за пределами Васильевского острова шла слава о ней, а вернее, о несносном, вздорном характере ее хозяина. Евсевий Зотыч относился с недоверием ко всем без исключения покупателям, во всяком человеке усматривал какой-нибудь подвох и «злонамерение». Часто затевал перебранку в лавке и даже швырялся товаром в обидчиков. Однажды он сломал нос муромскому купцу, заехав ему в лицо тяжелым замком, какие вешают на амбары. За это Евсевий едва не попал за решетку и был приговорен к штрафу в сто рублей серебром, что окончательно испортило его характер. К тому же люди начали сторониться толмачевской лавки, говоря с усмешкой: «Уж лучше целый нос, чем новый замок». И наверное, торговля его потерпела бы полный крах, если бы не одно обстоятельство, позволившее скандалисту не только удержаться на плаву, но и зажить безбедно.

Дело в том, что буйный лавочник принадлежал к тайной староверческой общине, которой руководил мудрый пастырь отец Иоил. Однажды тот собрал самых набожных

и примерных прихожан, чтобы придумать, как поступить с Толмачевым, позорящим общину своим необузданным характером. «Евсевий уже пятый год вдовееет. Может, оттого и дичает! — рассуждал отец Иоил. — Надо бы женить его на доброй девушке!» — «Есть одна на примете, — подал голос кто-то из братьев и тут же усомнился: — Да больно молода...»

Оказалось, где-то в трущобах на Охте недавно померли от черной оспы супруги Огарковы, оставив сиротою четырнадцатилетнюю дочь Зинаиду. Сначала девочку взяли в богатый дом кухонной прислугой, но хозяева, распознав раскольницу, тут же вышвырнули ее вон. Зинаида нанялась в прачки, но работа не по ней тяжела, того и гляди надорвется девчонка. «Может статься, если выдадим ее за Евсевия, совершим тем самым богоугодное дело? И сироту пристроим, и буяна усмирим. Надо бы взглянуть на нее», — решил отец Иоил. Мудрому «старцу», как называли его в общине, едва перевалило за сорок, он был высок, статен и носил густую черную бороду. Маленькие, близко посаженные глазки казались лукавыми, хотя священник слыл честнейшим человеком. Официально, для властей, он содержал лавку с писчебумажным товаром, но то было лишь прикрытием. Торговля чернилами, перьями и бумагой в этой отдаленной части Васильевского острова, где жили сплошь неграмотные ремесленники, носила случайный характер и доставляла в бюджет копейки. По-настоящему отец Иоил зарабатывал на жизнь, покупая и продавая в тайной комнате за лавкой старообрядческие иконы, рукописные дониконианские Псалтири и прочие запретные реликвии. Со своих небогатых прихожан он сверх настоящей цены не брал ни копейки, зато состоятельные купцы-старообрядцы платили ему порой сотни и тысячи, желая завладеть какой-нибудь редкостью. В этой же лавке порой устраивались сборы в пользу очередного бедствующего

АВАНТЮРИСТКА. ПОТЕРЯВШАЯ СЕРДЦЕ

шего семейства. Отцу Иоилу не раз приходилось брать на себя и роль свата. Однако на этот раз его одолевали сомнения. Евсевий разменял шестой десяток, а невеста была еще ребенком, но смущало священника не это обстоятельство, а дурной характер лавочника и слухи о его мерзких наклонностях. В общине шептались, что Евсевий довел первую жену до сумасшествия тем, что постоянно щипал ее и щекотал. Соседи по ночам слышали, как бедняжка то безудержно хохочет, то вскрикивает от боли и рыдает. Мудрый старец пытался убедить себя в том, что Евсевий с годами образумился, что торговец, никогда не имевший детей, пожалеет сироту и будет относиться к ней по-доброму...

Увидев девочку, священник еще больше утвердился в своем мнении. Такого ангела нельзя было обидеть. Тяжелые каштановые косы Зинаиды, ее удлиненные зеленые глаза, смотревшие диковато, застенчиво, белая бархатная кожа, крошечные ручки — в изящном облике сироты было нечто аристократическое, хотя родители девочки умерли в мещанском звании. Изысканное впечатление усугубляла маленькая коричневая родинка под левым глазом в форме слезы, будто специально нарисованная. Лицо Зинаиды казалось заплаканным, и она, не сказав ни слова, уже зывала к себе жалость.

Евсевию невеста, несмотря на хрупкость, понравилась, а Зинаиду никто и спрашивать не стал. Через месяц сыграли свадьбу. И уже на следующий день молоденькую жену Евсевия Зотыча увидели в лавке на Седьмой линии. Сначала народ просто ходил поглазеть на красавицу, попавшую в лапы чудовища. Кто-то сочувственно качал головой, иные злорадно усмехались — мол, взял старик сиротку, да как бы не наставила она ему рогов!

Зинаида быстро освоила премудрости торговли и даже внесла некоторые новшества. Например, устала полки цветами: фиалками и гиацинтами в плошках. Получилось

красиво и завлекательно, и едкий запах черных смазанных замков уже не так сильно бил в нос. Вместо треснутого колокола на дверях молодая хозяйка прицепила крохотную шарманку, купленную в немецкой лавке, и та приветствовала каждого нового посетителя прекрасной старинной мелодией. Подслеповатые, ни разу не мытые окна засверкали чистотой и были украшены воздушным вышитым тюлем. Евсевий Зотыч, вновь вкушавший прелести супружества, не сопротивлялся этим переменам, хотя поначалу ворчал: «Башкой нужно думать, Зина, а не чем-то еще! Товар у нас грязный, покупатель больше мелкий. Придет такой нищеброд, все перещупает, измажется маслом, дегтем и оботрет руки, да не об портки, а об твою занавеску. Один, другой — и тюль хфранцузский к вечеру в тряпку превратится!» Но девушка, кроме прочих талантов, обладала еще и чудесным даром убеждения. «Не сердчайте, Евсевий Зотыч, — ласково говорила она, — тюль я постираю, коли что, наутро будет как новый. А людям все же приятно смотреть на красоту!» С покупателями Зинаида была вежлива и обходительна, некоторые захаживали в лавку только ради удовольствия поприветствовать девушку и услышать в ответ доброе слово. Все это в совокупности стало приносить доход, какой раньше и не снился Толмачеву. Вскоре Евсевий Зотыч совсем обленился, сутками лежал на диване, ел в три горла да гонял почем зря девку Хавронью, свою единственную прислугу. Он заметно раздался вширь и оттого, казалось, подобрел. Отец Иоил, частенько захаживавший в гости к лавочнику, находил его если не в радужном настроении, то по крайней мере в миролюбивом. Священник радовался тому, что не ошибся в своих расчетах. Он видел, как девушка надрывается с рассвета до позднего вечера в лавке и тащит на себе весь дом, но не находил в этом ничего удивительного. «Благочестивая жена так и должна жить!» — твердил он. Зинаида никогда не жалова-

АВАНТЮРИСТКА. ПОТЕРЯВШАЯ СЕРДЦЕ

лась и застенчиво молчала, когда он на исповеди расспрашивал ее о семейной жизни. Ее отношения с мужем оставались тайной даже для прислуги. Внешне все выглядело довольно пристойно. Во всяком случае, соседи ни разу не слышали, чтобы из дома лавочника доносились по ночам крики, рыдания или странный истеричный смех, как это было при его первой жене. «Неужели и впрямь образумился наш Евсевий?» — задавались вопросом они. Никто не догадывался, что под скромным, наглухо застегнутым платьем Зинаиды скрыто тело, испещренное синяками и кровоподтеками. Попытки в отличие от своей предшественницы она переносила молча.

Так прошло без малого шесть лет. Из слабенького подростка Зинаида превратилась в красивую стройную женщину, пышущую здоровьем. Все чаще она ловила на себе сластолюбивые взгляды мужчин. Попадались среди посетителей лавки и такие, которые без лишних церемоний делали ей пикантные предложения, на что она отвечала резко и даже грубо, ставя молодчиков на место. Старик Евсевий тоже не дремал. От него не укрылось то, что в облике жены произошли соблазнительные изменения, и он вновь стал спускаться в лавку, чтобы следить за Зинаидой. Каждый раз его появление заканчивалось ссорой супругов. Евсевию Зотычу казалось, что жена кокетничает с покупателями, слишком часто улыбается и чересчур уступчива во время торга с некоторыми постоянными клиентами. Старик не стеснялся при посторонних выругать жену, а однажды не сдержался и ударил ее по лицу, когда в лавке было полно народу. Зинаида, всегда кроткая и терпеливая, на этот раз повела себя неожиданным образом. Она сгребла с полки деревянный молоток и что было силхватила им по лбу ревнивца. Шишка выросла не велика, но Евсевий после этого случая слег в нервной горячке и не вставал с постели десять дней.

Дело было вовсе не в шишке, конечно, а в публичном оскорблении и нестерпимой обиде. Вся природа Толмачева, темная натура патриарха-истязателя была настолько потрясена отпором жены, что последствия могли оказаться самыми печальными. Доктора опасались, что горячка бросится в мозг и тогда Евсевия Зотыча ждет сумасшедший дом. Однако прогнозы докторов не оправдались, и спустя десять дней старик самостоятельно поднялся с постели в полном здравии и уме. Все эти дни его мучил один жгучий вопрос. Почему Зинаида, на протяжении шести лет покорно терпевшая истязания, державшая их в тайне от всех, как и положено женам от веков вековечных, на людях вдруг взбесилась и посягнула на его седины?

На шатающихся ногах он поплелся в чулан, где висели на стене вожжи. Снял их, помял в дрожащих, не окрепших еще после болезни руках и пробурчал себе под нос: «Ну, поганка, держись! Умоешься ты у меня кровавыми слезами...»

Зинаида, застав мужа в комнате за лавкой, будто не заметила ни вожжей, ни его мертвенно-бледного лица, перекошенного яростью, и приторно ласково спросила: «Оправились, Евсевий Зотыч? Ну, слава богу!» — «Не юли, змея, не прикидывайся! Все равно проучу!» — закричал тот, потрясая вожжами. — «На мужа руку подняла, ведьма!» — «Погодите-ка, Евсевий Зотыч, — остановила она его, не смутившись. — Я от наказания не уклоняюсь, виновата. Только вы ведь дня три ничего не кушали, того гляди сомлеете опять... Закусили бы сперва, а уж потом, как водится у людей, меня поучите...» — «И то верно, — согласился старик, почувствовав вдруг необыкновенный приступ голода, — надо бы поесть. Принеси-ка...» — «Знаю, ваших яблочек любимых!» — живо откликнулась жена и бросилась в сени, где в дубовой кадлушке мокли яблоки.

Евсевий уселся за стол, красноречиво положив вожжи рядом. Быстро обернувшаяся Зинаида поставила перед ним

АВАНТЮРИСТКА. ПОТЕРЯВШАЯ СЕРДЦЕ

блюдце с яблоками. Он взял одно, повертел в руке. «А почему она с утра не в лавке?» — подумал старик, но спросить не успел. Едва он надкусил яблоко, как Зинаида схватила вожжи и начала хлестать мужа по голове, по спине, по рукам, по чем попадя. При этом женщина сдавленно приговаривала: «Вот тебе, старый хрыч, за все мои муки, за все слезы!» Евсей Зотыч даже вскрикнуть не сумел. Откушенный кусок яблока встал у него поперек горла, он начал кашлять и задыхаться. Толмачев побагровел, налился кровью и вдруг стал синеть, раздирая себе ногтями горло, валясь под стол, увлекая за собой сорванную скатерть и блюдце с яблоками.

Это случилось в конце февраля тринадцатого года.

Гроб с покойником поставили в столовой, под образами. От гроба шел терпкий дубовый дух, будто из сених занесли остатки дров, запасенных на зиму. Станный аромат распространялся по всему дому, перебивая еле уловимый запах тления. Дубовые шелкопряды, спавшие в дереве, проснулись от тепла, выползли наружу и медленно, словно нехотя, исследовали покойника, заполняя ему за шиворот рубахи, бороздя посиневший кадык и обвислые щеки. Их жирные темно-красные тельца, будто налитые мертвой кровью, страшные морды с черными маскарадными масками произвели такое сильное впечатление на девку Хавронью, что та при виде красных червей заверещала и грохнулась в обморок. Прибежавшая на ее крик Зинаида при виде шелкопрядов и обмершей девки с усмешкой воскликнула: «Вот дура!» Приведя Хавронью в чувства, хозяйка отправила ее на кухню печь пироги для поминок, сама же без всякой брезгливости принялась выуживать из гроба червей. Она брала их двумя пальцами, бросала на пол и давила каблуком. За этим занятием и застал ее отец Иоил.

В общине живо обсуждалась драма, разыгравшаяся в доме Толмачевых. Одни утверждали, что Зинаида отравила Евсея, будто бы в яблочке, которое она подала ему, имелась «червоточина». Лавочницу не раз видели в аптеке немца Кребса на Четвертой линии. Она часто шушукалась с самим хозяином, о чем-то с ним советовалась. Еретик поганый, не иначе, научил бабу, как извести муженька! Другие разумно возражали, что нужды нет, отравлено ли было яблоко, ведь Евсей умер от удушья, поперхнувшись. А вот если бы своенравная жестокая женщина не взяла в руки вожжей, чтобы проучить мужа, едва оправившегося от болезни, ничего бы не случилось. В общем, все сходилось на том, что Евсей отправился в мир иной не без участия Зинаиды, а так как та оставалась безнаказанной, возмущение в общине росло.

Разговоры дошли до отца Иоила. Он пытался утихомирить общину, внушая братьям и сестрам, что не во всяком грехе человек волен, и Зинаида наверняка не держала в мыслях страшного намерения убить своего благодетеля и супруга, но на молодую вдову все равно смотрели волками. Мудрый старец понимал, что Зинаиде не легко будет оправдаться перед единоверцами.

Теперь, наблюдая, с какой холодной решимостью та давит шелкопрядов, отец Иоил впервые подумал, что от застенчивой робкой девочки-сиротки, которую он привел шесть лет назад в общину, не осталось и тени. Заметив наконец священника, Зинаида буднично сказала, указывая на раздавленных червей:

— Вот ведь напасть, отец Иоил! Проснулись в тепле и полезли наружу. Видать, пройдоха гробовщик продал гроб из гнилого дуба.

— Не хочешь ли исповедаться, дочь моя? — тревожно спросил священник.